

Молодой Грифон

— Старик, которого ты пришёл ударить, — прошептал маленький король Лео, — это ведь Овод, не так ли?

— Да.

— Мы поможем тебе, — решил маленький король. — Верно, Пир? — Его верный защитник кивнул.

— Не помню, чтобы я просил вас о помощи.

Мальчики переглянулись за моей спиной, всё ещё цепляясь за меня как обезьяны, пока я поднимался через различные владения Культа Бушующего Неба.

— Там, откуда мы родом, — сказал маленький защитник Пир, — ученик должен проявить себя прежде, чем наставник возьмёт его к себе. Чем лучше ученик, тем более великим должен быть его подвиг.

— Вы двое помогли мне в бою с добродетельным зверем Героя, — сказал я, похлопав обоих по покрытым тканью головам руками панкратиона. — Я знаю Философов, у которых не хватило бы на такое смелости. И для вас этого недостаточно?

— Конечно, нет, — возмущённо прошипел маленький король. — Что за король останавливается на простом звере?

Я улыбнулся.

— Вы двое напоминаете мне моих кузенов, — сказал я весело. Я кивнул троице молодых Философов проходивших мимо. Их взгляды задержались на одеянии Розовой Зари, висевшем у меня на талии, на лавровых венках, обвивавших каждый мой бицепс, и на паре детей-дворняжек, свисавших с моих плеч. Я отчётливо видел, как их подозрительность по отношению ко мне борется с их уверенностью в людях охраняющих гору. Я не принадлежал этому месту, но и не мог находиться здесь против воли Бушующего Неба. Они нерешительно кивнули в ответ и поспешили вниз по ступеням.

— У тебя есть кузены? — спросил маленький защитник.

— Сколько? — нетерпеливо спросил маленький король.

— Пять.

— А сколько братьев и сестёр?

— Ни одного, насколько я знаю, — легкомысленно ответил я.

— Насколько ты знаешь? — нахмурил брови маленький король. — Что это значит?

— Это значит, что мой отец - мирской человек. В моём возрасте он пропутешествовал по Средиземноморью до его самых дальних пределов. Кто может сказать, сколько семян он посадил по пути?

— Он был могущественным культиватором?

— Конечно, был, — презрительно ответил маленький король на вопрос брата. — Просто посмотри на его сына. Правильный вопрос — насколько могущественный? Грифон?

— Интересно, — размышлял я, глядя вверх на аметистовые вены Каукосо Монс, на Бурю, Которая Никогда Не Прекращается, на восходящее солнце. — Мне тут в голову пришла одна мысль. — Мальчики внимательно посмотрели на меня.

— Вы сказали, что: «чем лучше ученик, тем более великое подношение он, естественно, должен сделать потенциальному наставнику». Я предполагаю, что в городе вашего рождения такие сделки зачастую более материальные, чем то, что вы предлагаете. Богатства, а не поступки.

Их молчание говорило за них. Я усмехнулся и щёлкнул их обоих по носам.

— Я не против того, чтобы мне платили добродетелью, а не пороком. Однако мне пришло в голову другое: если подношение ученика соответствует его достоинствам, то разве цена потенциального наставника не должна соответствовать?

— Должна... — медленно согласился Пир.

— К чему ты клонишь? — потребовал маленький Лео.

— Вы предложили помочь мне сразиться против Овода, — повторил я, дождавшись, пока они оба выразят своё согласие. — Сразиться против Учёного — поступок, от которого я лично видел, как съёживались Героические культиваторы, словно я просил их нырнуть в Стикс. То, что вы предложили, — это больше, чем большинство людей когда-либо будут готовы дать.

Я откинул голову назад, слабо улыбаясь восходящим бродягам из города завоевателей. С родины Культа Рассеянной Пены.

— С чего вы взяли, что этого достаточно, чтобы стать моими учениками?

— Что?! — закричал маленький король, колотя меня по спине. — Это слишком! Это за пределами "слишком", даже для короля, и ты не король!

— Кто тебе это сказал? — с любопытством спросил я.

— ... ты король? — прошептал маленький защитник.

— Конечно.

— Король чего? Где твоё королевство? — нажал маленький Лео.

— Король величайшего королевства среди неба и земли. Короля единственного королевства, которое имеет значение.

— Где?

— Скажи нам!

Я поднял голову вверх: «Король восходящего солнца».

А затем я швырнул их обоих через открытую дверь.

Медицинскому павильону не пристало быть роскошным, и всё же. Бушующее Небо украсило своё место для больных и немощных гобеленами с изображением первого целителя и изысканными изображениями величайших из его трудов. Алхимические процессы и дистилляция лекарств были переплетены в визуальный формат, рецепты, что были приятны глазу. На каждом из опорных столбов, поддерживающих крышу, была высечена строка из клятвы Гиппократата – той самой, которую я дал с Анастасией в качестве свидетеля в лесах за пределами Олимпии.

Мальчики вскочили на ноги под ругань лекарей. Мужчина в чистой белой тунике с поясами цвета индиго и золота, плотно обмотанными вокруг предплечий и кистей рук, отошёл от соседней кровати, чтобы отругать их. В панике маленький защитник встал между братом и приближающимся хирургом. Маленький король стиснул зубы и сжал кулаки.

— Старший! — радостно поприветствовал я его, входя в медицинский павильон, куда мистики Бушующего Неба приходили, чтобы исправить свои тела. Мужчина резко посмотрел в мою сторону, когда я вошёл. Он был загорелым, ниже Скифаса ростом и коренастее; культивирование сделало его скорее эстетически грубым, чем худощавым. Когда его влияние столкнулось с моим, я определил, что он философ пятого ранга. Он был достаточно стар, чтобы быть моим отцом.

Это был человек, который попал в Бушующие Небо только благодаря специализированным знаниям в области медицины, а не за счёт исключительного культивирования. Что также означало, что в одном смысле он был совершенно непримечательным человеком, а в другом – ценным ресурсом.

— Кто твой старший? — раздражённо потребовал лекарь, поднимая маленького защитника за заднюю часть его пеплоса. Его младший брат напрягся, и я увидел, как его тело начало готовиться к атаке. — Я никогда в жизни не видел тебя, а тем более этих двух...

Рукой яростного намеренья я ударил лекаря в уязвимое место его запястья, поймав маленького защитника руками панкратиона, когда рука лекаря судорожно разжалась, освобождая его.

Пневма лекаря заполнила медицинский павильон. В свете восходящего солнца белые простыни, казалось, светились, падая на мраморный пол, – те пациенты кто способен двигаться, сбрасывали с себя одеяла, когда ярость культиватора пробуждала их от мёртвого сна. Я видел как его сверстники, мужчины и женщины разного ранга в Софическом Царстве, готовились к бою. Некоторые сразу же направились к нам, другие поспешили закончить текущую работу, связанные клятвой первого целителя.

— Пожалуй, начнём со знакомства, — сказал я, подняв руки из плоти и крови в дружеской капитуляции.

— Тыходишь в мою асклепию, — яростно сказал крепко сложенный лекарь, надвигаясь на меня, в то время как мальчики встали по бокам от меня. — Беспкоишь моих пациентов. Бьёшь по руке, которой я лечу...

— Меня зовут Грифон, — сказал я, протягивая ему руку. Он отбросил её в сторону, встав со мной нос к носу. Конечно, для этого ему пришлось отклонить шею назад, но заявление было понятно.

— Я не знаю, кем ты себя считаешь, да и знать не хочу, — угрожающе сказал он, и волны его пневы разбились о мои. Я выдержал это без ответного удара, подняв бровь. — Но здесь, младшие не бьют по рукам целителей. Ты думаешь, что вся эта гора твоя? Это не так. Вы, будущие солдаты, должны помнить, кто делает вас снова целыми после того, как невзгоды вбивают вас в землю.

Я встретил его яростный взгляд, и в моём сознании начала вырисовываться более широкая картина. Я наводнил целительный дом своим яростным намерением, тридцать рук ревущей пневы, которые сгибались и хватались за воздух. Напряжение стало настолько плотным, что я почувствовал что могу открыть рот и откусить от него кусочек. Стоявший передо мной лекарь, целитель, который без сомнений посвятил свою жизнь тому, чтобы лечить, а не вредить, не дрогнул даже на мгновение.

Так вот оно как.

— Мои извинения, — сказал я, склонив голову, и каждой рукой заставил мальчиков склонить свои. — Этот ещё не знаком с условностями целителей.

Я не поднимал головы и не позволял мальчикам поднять свои, пока целитель не отступил назад, найдя в моём жесте искренность, которую он искал. Я лучезарно улыбнулся, и он нахмурился. Его брови были тяжёлыми, как и челюсть. Его глаза были тёмными щелями, когда он смотрел на меня.

— Спокойная обстановка так же важна, как и любое лекарство, когда речь идёт о гуморах, — сказал он категорично. — Твои братья и сёстры в этом культе зависят от этого спокойствия, чтобы исцелиться. Для некоторых из них — это разница между жизнью и смертью. Занимайся своими "играми" снаружи.

— Конечно, старший.

— Отус, — огрызнулся он. — Это Отус. А теперь убирайся из моего павильона.

— Этого я сделать не могу, — сказал я, и тогда целитель Отус понял, что я всё ещё не убрал проявлений моего яростного намеренья. Вместо этого они нашли себе применение, разрывая одеяла и свисающие шёлковые завесы, используемые для уединения.

— Что!..

— Я пришёл навестить пациента, — мягко сказал я. Мальчики посмотрели на меня в замешательстве. Ах. Вот и она.

Красивая женщина, которая могла быть старше меня как на пять лет, так и на пятьдесят, натянула простыни до шеи, когда две мои руки панкреатиона сорвали шёлковую вуаль с её кровати, открыв её остальным.

— Вот ты где, — сказал я, шагая мимо целителя. Он привалился спиной к кровати другого пациента, и больной мистик потянулся, чтобы поддержать крепкого доктора.

— Кто ты? — потребовала женщина на кровати. Она подняла себя в сидячее положение, двигая лишь руками. Ниже пояса она была неподвижна. — Я никогда тебя раньше не видела.

Её пневма атаковала, но она была искалечена. Она сломалась, даже не долетев до меня, и ощущалась она не более чем рябью в тихом пруду. Её тело было сломано, и вместе с ним

сломалась и её культивация.

— Как ты узнал, что я здесь? — Её глаза метнулись к многочисленным лекарям, присутствующим в лечебном павильоне. Но почему-то ни один из них не остановил меня. В асклепии царил ожидающий ужас. Казалось, даже Отус чего-то ждёт.

Полагаю, я мог бы дать им это.

Откуда я узнал, что она будет здесь?

— Вóрон сказал мне.

Женщина, которую звали Гармодия, побледнела. Женщина, которая когда-то была Ворóной, пока мой никчёмный Римский брат не сбросил её с Каукосо Монс, опустилась на кровать, и её грудь вздымалась, когда она начала паниковать.

— Ну, ну, ничего из этого. — Горящие руки панкреатиона вихрем пронесли по павильону, заставляя лекарей вздрагивать и спотыкаться, когда они проносились мимо и располагались по всему телу искалеченной женщины. — Я пришёл только поговорить, я обещаю тебе это.

— Ты, — прохрипела она, её грудь вздымалась. — Ты.

— Я, — согласился я и наполнил её пневму своей.

Когда я только начинал моё обучение с Анастасией, я недолго размышлял, будет ли процесс исцеления идентичен поглощению себя, которое звёздный костный мозг Держателя-Поводьев пытался навязать мне и Солу. В конце концов, это было совсем не тот же самое. Это было даже не близко.

Там, где костный мозг сжигал и прорывался сквозь все естественные барьеры внутри нас, моя пневма просто текла. Я позволил потокам её собственного жизненного дыхания направлять меня, и постепенно её паническое дыхание замедлилось, чтобы соответствовать моим глубоким и ровным вдохам. Я следил за тем, как моя пневма продвигается по её телу, и каждая прижатая к её коже рука панкреатиона служила ещё одним глазом.

Спокойствие. Баланс между четырьмя желчами. Независимо от того какой путь был выбран, цель была одна и та же. Эуказия. Здоровое равновесие. Пока что я был лишь студентом в этой области, но этого было достаточно, чтобы знать, что проблема возникает там, где желчи находятся в наибольшем потоке.

Я сразу же нашёл её.

— У тебя сломан позвоночник, — тихо сказал я. Мальчики забрались на кровать у её ног, наблюдая, как пламя пляшет на моих панкреатионовых руках, не поджигая простыни.

— Я уже знаю это. — Паника уступила место поражению.

— Значит, ты не просто головорез, но вдобавок ещё и лекарь? — сказал Отус, стоя на достаточном расстоянии от кровати чтобы было ясно, что он не при делах. И всё же, в этих словах звучала ярость. В дрожании его сжатых кулаков.

— Ещё нет, — признал я. — Анастасия ещё не закончила со мной.

Было интересно наблюдать, как люди реагируют на имя демона. И лекари, и пациенты напрягались, ахая, отводя глаза и отворачиваясь от меня. До этого момента я был опасностью посланной неизвестной стороной. Но теперь они знали. Тень, которую отбрасывал мой едкий наставник, была длинной.

Отус, в свою очередь, только ещё больше разозлился.

— Это безопасное место, — прошептал он хриплым голосом. Я наблюдал, как его глаза метались по мне, по рукам моего намеренья. Он оценивал меня, прикидывал свои шансы на победу. Моё уважение к нему возросло, совсем чуть-чуть. — Это безопасное место, как и всё Бушующие Небо должно было быть, и всё же. Как и город Олимпия должен был быть, и всё же. Неужели твои игры за власть не могут подождать, пока женщина не исцелится?

— Нет, не могут, — откровенно сказал я, и Гармония застонала в тихом отчаянии. — Потому что я пришёл поговорить с женщиной идущей на поправку, и вместо этого я нашёл калеку.

Отус нахмурил брови.

— Она искалечена? Где? — обеспокоенно спросил маленький король. Он похлопал бывшую Ворону по ногам и рукам, по тем местам, где мои панкратионовые руки не закрывали её.

Я ударил его по голове и бросил взгляд на его старшего брата. Маленький защитник понял меня и оттащил брата на край кровати, заглушая его жалобы.

— Если я скажу тебе, что она калека, почему твоим первым инстинктом будет прикоснуться к ней? — спросил я его. — Я знаю, что Лефтерис подаёт не самый лучший пример, но постарайся использовать свою голову.

— Не говори так о Тери, — раздражённо сказал маленький король. Я фыркнул и повернулся к своему старшему в делах целительства.

Он пристально смотрел на меня. Пытался разгадать что-то за моими глазами: «Ты ученик Анастасии?»

— В медицине, — подтвердил я. — В остальном, она мой друг. — Я смотрел, как он впитывает это, как напрягаются мышцы на его обтянутых тканью руках, пока он борется с желанием ударить меня в челюсть.

И я видел, как угасает борьба в человеке, которому бросили вызов в его собственных владениях. Признавая поражение одинокому младшему, которого он никогда раньше не встречал и чьё культивирование было ниже его собственного.

Я нахмурился.

— Сколько раз это случилось? — спросил я.

— Что случилось? — спросил он. Я пристально смотрел на него, пока он не отвёл взгляд.

— Сколько раз это случилось с тех пор, как умер кириос? — уточнил я. Лекарь стоявший неподалёку, женщина с нежными руками и цветами заплетёнными в волосы, вздрогнула и отвернулась.

Главный целитель покачал головой: «Слишком много».

— И сколько из этих визитов привели к немедленной выписке ваших пациентов? К перманентной выписке?

"Все", ответило его молчание.

Я обдумал это. Принял это в себя.

Моя пневма поднялась.

— Целитель, — пробормотал я. Он скрипнул зубами. Я махнул рукой на Гармонию, Ворóну которую мы искалечили. — Почему эта женщина до сих пор не исцелена? Прошло уже много дней.

— Ты сам это сказал, — прорычал он, ненавидя каждое слово. Он не стал спрашивать, откуда я узнал о её преступлении. Ему не нужно было. — У неё сломан позвоночник. Она потеряла возможность пользоваться своим телом ниже пояса. Такая травма... она выходит за рамки баланса гуморов. Это за пределами того, на что способен любой из нас.

— И что может её вылечить? — спросил я, прослеживая, как моя пневма двигается через её тело по каналам, которые она создавала на протяжении всей жизни. Отслеживая эти каналы, Анастасия научила меня как определять истинный возраст культиватора. Слово считая кольца на пне.

Гармонии было тридцать семь лет. Лёжа на этой кровати в слезах и без всякой надежды, она выглядела моложе меня.

Отус свирепо нахмурился, но на этот раз не на меня. Вообще ни на кого, если уж на то пошло. Крепкий целитель ушёл в свои мысли, яростно обдумывая мой вопрос, и моё уважение к нему снова возросло. Когда он снова заговорил, то он говорил с окончательностью.

— Для неё, с учётом перелома и потерянных конечностей, — это время, если у неё будет подходящий наставник и философский склад ума. Если разум и дух продвинутся достаточно далеко, телу придётся последовать за ними. Трёхсторонняя душа естественным образом стремится к равновесию.

Я хмыкнул: «Другие варианты?»

— Нектар, — сразу же сказал он. — Или амброзия.

Пища и питье безликих божеств. Я тяжело вздохнул, присев на кровать: «И где в этом городе продают божественную пищу? Есть ли здесь ларёк, в который я могу зайти?»

— У кириоса были свои запасы, — сказал Отус, и если он и получил какое-то удовольствие от того как я вздрогнул, приятно удивлённый, то он никак этого не показал. — Если он что-то и оставил, то в своём поместье.

— Замечательно, — сказал я, улыбнувшись ему и нашей заземлённой Ворóне. — Я как раз собирался зайти туда.

— Ты соби... — Отус глубоко вдохнул, задержав дыхание на долгую минуту, которую я не прерывал, а затем выдохнул. — Есть ещё одна возможность. Кое-что, что твой мастер мог бы сделать.

— Хо?

— Хирургия, — сказал он. — Это опасно и, в случае повреждения позвоночника, далеко не гарантированно. Но если это сработает, то это будет так же эффективно, как амброзия, и почти так же быстро.

— И вы не можете этого сделать? — спросила я. Отус тяжело вздохнул, скрестив руки на груди.

— Ты был бойцом до того, как стал лекарем, — заявил он. Я хмыкнул. — Ты поднялся в Софическое царство с помощью насилия, или философии, или любого другого способа. И по пути ты познакомился с другими видами боевого культивирования. Верно?

— Верно, — подтвердил я.

— Как есть тысяча способов совершить насилие, так есть и тысяча способов его исправить. Ты используешь руки пневмы, чтобы делать свою грязную работу. Если бы я попросил тебя вместо этого использовать ноги пневмы, здесь и сейчас, смог бы ты это сделать? Никогда не делая этого раньше?

Я подумал об этом.

Мальчики зашевелились на кровати рядом со мной. Гармония натянула простыню ещё выше, до самого носа.

— Ну? — потребовал Отус.

— Я думаю.

Он издал звук отвращения и взмахнул рукой по воздуху: «Нет! Ты не сможешь! То, что мы делаем, отличается от хирургии так же, как нога от руки! Мы уравниваем гуморы, чиним то, что можно починить не причиняя вреда. Мы поклялись никогда не брать в руки нож без должного обучения, также как и ты, и мы не были обучены».

— Наверняка в Бушующем Небе есть хотя бы один хирург, — рассуждал я.

— У нас есть, — сказала лекарь неподалёку, женщина пригнувшая голову. Её руки слабо дрожали, когда она поила пациента из чаши с духовным вином, но она не пролила ни капли. — Большинство из них находятся вдаль от культа. Но есть один.

— Был один, — поправил её Отус, хотя его голос был гораздо мягче, чем со мной.

— Был? — спросил я.

— До того, как её украли ночью, — сказал он. — Теперь, только её похититель знает, где находится Анастасия. И, возможно, её ученик.

Я слегка улыбнулся.

— Мальчики, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Мы уходим. — Маленький король и его защитник соскочили с кровати. Позади меня Гармония ахнула и натянула простыню на свои искалеченные ноги, её сместили мальчики и мои собственные панкратионовые руки.

Но было уже поздно. Я увидел цвет её культового одеяния.

Какому королю ты служишь? спросил я её в ту ночь, когда мы сбросили её со склона горы. Тогда она отказалась отвечать, и Сол не дал мне времени на дальнейшие расспросы. Но теперь я знаю.

Травянисто-зелёные шелка, такие же как у Скифаса. Культ Воющего Ветра. Я добавил старейшину из Города Шквалов в список презираемых мною могущественных людей.

Оглянувшись, я увидел, что она знает, что я знаю. Она в отчаянии опустилась на кровать, зажав глаза. Женщина, которая отдала свою жизнь и свою личность в погоне за силой, за славой – и, в конце концов, отдала и свои ноги. Я видел, как слезы, с которыми она боролась, прорвались наружу и потекли по бледным щекам.

— Я почию твои ноги, — решил я. Её глаза открылись. — Нектаром или амброзией, если смогу их найти. А если нет, то ножом хирурга. Это я тебе обещаю.

Я повернулся и вышел из лечебницы, и мальчики шли следом.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3544774>